

Прина Амстердам
ПОНЧИКИ И ПОНИ

Арина Амстердам

Пончики и пони

«Издательские решения»

Амстердам А.

Пончики и пони / А. Амстердам — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511924-7

Тридцатилетний, свободный от любых обязательств Герман, сам того не ожидая, становится бородатой мачехой-одиночкой для маленькой Марфуши. Испытание внезапным родительством на фоне любовной неразберихи грозит расправиться с психикой горе-интроверта. И не видать бы нам его в здравом уме, если бы не пакет горячих пончиков. Благоухающие сладкой ванилью, они спешат на помощь, спасая героя из весьма дурацких ситуаций. Так не бывает? Еще как бывает! Основано на реальных событиях.

ISBN 978-5-00-511924-7

© Амстердам А.
© Издательские решения

Пончики и пони

Арина Амстердам

Посвящаю эту книгу своим надёжным парусу и штурвалу – маме Алле Карловне и брату Володе. В любой шторм я уверена в вас на все сто!

И конечно, уютному и бесстрашному корабельному коту, благодаря которому моим снастям не страшны никакие крысы. Света Шуняева, мой друг и опора, люблю тебя очень!

Фотограф Дмитрий Федулов
Дизайнер обложки Арина Амстердам

© Арина Амстердам, 2020
© Дмитрий Федулов, фотографии, 2020
© Арина Амстердам, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-1924-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мое имя Герман – и у меня борода. Сочетание по нынешним временам уже потасканное и даже несколько вульгарное, как и любая мода на своем излёте, – но ничего с этим, увы, не поделаешь.

Моя страница на Фейсбуке до сих пор называется весьма по-дурацки «Я и Кира», но в действительности это не так. Я там, разумеется, есть, ее уже какое-то время нет.

Фотографии с пикников, из отпусков, со свадеб и дней рождения общих друзей рельефно иллюстрируют наше семейное благополучие. Знакомые из числа не самых близких всё еще передают ей приветы и спрашивают как дела «у вас». «У нас – все хорошо», – говорю я. Но вообще-то, все хорошо у меня. Как у нее – не знаю. Я и тогда уже не очень интересовался, как дела у нее – может, поэтому наша пара так и не стала семьей. Я осознаю, что семью так не строят – с помощью тщательного огораживания друг от друга своего личного пространства можно только стену или забор построить.

В общем, не получилось у нас семьи. Так, консервы из двух человек в жестяной банке общего жилья. Комфорт стал хорошим консервантом, менять что-либо не было нужды, работа отнимала все силы, снимая вопрос о левосторонних связях. Мы отлично понимали друг друга – сначала с полуслова, а потом и в этом отпала необходимость. Быт отточился до мелочей, и мы стали понимать без слов. Жесты приобрели ту филигранную чистоту, где нет места лишнему движению, поясняющему слову. Чувству, впрочем, тоже. Нам и без чувств было нормально в нашей небольшой, чистой и светлой квартире. Чистой именно оттого, что некому и некогда было намусорить, положить что-нибудь не на то место, накрошить, раскидать, забыть выбросить.

В ночь с субботы на воскресенье мы обычно забрасывали в машинку накопленное за неделю – через пару часов вопрос стирки снимался, и у каждого оставались только свои личные дела.

Мы не жили совместной жизнью – мы пересекались. Например, встречались с друзьями, и те думали, что мы приехали, как приехала бы на нашем месте любая нормальная пара. Но на деле, это значило лишь то, что мы случайно встретились в компании. Пункты в наших

ежедневниках неожиданно совпали. Только и всего. По ночам надлежало выспаться по совпавшему адресу. И не забыть купить продуктов в общий холодильник.

Так мы встречались на кухне, в ванной, на соседних подушках. Без лишних слов. Без нужных тоже. Без любых. У боксирующих потных борцов куда больше страсти в объятьях, когда они, зафиксировав друг друга, почти неподвижно стоят, лишь изредка коротким рывком отвешивая друг другу в торец. У нас не было и этого.

Мы не враждовали. Иногда мне казалось, что хорошая ссора непременно привела бы к огненному примирению на скомканных простынях, но, к стыду своему, я был благодарен Кире за неумение или нежелание повысить голос. Да и не давал я повода. Так устаю на работе, мне, если честно, часто не до секса. В общем, когда стало очевидно, что отпуск уже вот он, совсем близко, и мы, как и следует усталой паре, проведем его вместе, молча, в неопределенности курортных задач щурясь в горизонт... В общем, я понял, что не хочу. Не хочу больше этой удобной женщины рядом. Не хочу смотреть, как она живет внутренней жизнью, гладко скользкой глянцевой поверхностью мимо моего существования, не искря и не оставляя следов. Не хочу ее низкого горлового голоса, красивого, но так редко звучащего, что надоело ждать очередного эфира.

Она молчалива, и хотя в женщинах я это ценю, но всему же есть разумный предел. Не хочу лежать с ней на пляже и видеть ее лицо, с тонкой паутинкой первых морщинок вокруг глаз. Глаз, которые не смотрят в мою сторону. Не хочу видеть, как морщинки эти станут резче, суше, грубее, сначала порозовев, а потом уйдя в шоколадный оттенок под палящим солнцем. Не хочу видеть, как ее тело день ото дня будет все загорелее, и от этого казаться моложе и свежее, а на деле – старея тем быстрее и коварнее, чем соблазнительнее ее сделает тихий убийца – ультрафиолет. Не хочу мазать ее солнцезащитным кремом в местах, куда она не дотянется сама. Я предпочел бы другие места, но их она достает без труда.

Я не нужен.

Ее тело слишком правильно сложено, длинные, гладкие руки и ноги, шелковистые колени, музыкальные пальцы цвета свежееиспеченного хлеба... И словно живая фарфоровая кукла, она бережет свое тело от моих кривых рук. Мне так кажется. По крайней мере, когда я прикасаюсь, она напряженно замирает и смотрит испытующе и не без опаски. Я не умею расслаблять фарфоровых кукол. Наверно, они уже никогда не расслабятся, если хоть раз увидят свой ценник. А Кира себе цену знает. Не афиширует, но знает.

В тот вечер шел серенький дурацкий дождь, и у меня внезапно заболело горло, я был голоден, умотан и, видимо, оттого непривычно зол. Ну и почему-то я почувствовал, что промедление преступно. Поэтому не стал ждать, пока нагрянет вопрос об отпуске: она могла задать его с минуты на минуту, мы и так затянули все возможные сроки. Я просто вошел в комнату, занятую нами под кабинет, со стенами слоновой кости и синими светильниками, бросающими стальной токийский свет на викторианский сливочный диван в розах. Я сел на журнальный столик. Кира поморщилась, когда заклепка заднего кармана проскрежетала по стеклу. Она обернулась и положила локоть на спинку стула – но не развернула его и даже ноги не подвинула в мою сторону. Кира была уверена, что я не стану отвлекать надолго. У нас это было не принято. Она была занята делом, и ее дела священны.

Кирино лицо было спокойно – рабочие задачи не требовали в тот вечер усилий, эмоций – тем более.

А я уже давно не требовал ни того, ни другого.

И все же рубануть с плеча мне было нелегко, и я зачем-то сказал: «Скоро отпуск». Она едва заметно сдвинула брови. Губы сжались, выдав раздражение, – и я решился. Я просто добавил «Но мы расстаемся. Я думаю, пора» – и все.

Она кивнула.

Ни слова – просто кивнула.
Глубоким, взвешенным кивком.

Мне стало так легко, так светло – захотелось как-то отблагодарить за понимание, но вдруг я увидел то, чего не видел прежде: она не просто не держит меня, более того – мне лучше не приближаться. Раньше ее фарфоровость была доступна касаниям. Ее можно было отогреть, она снова ненадолго становилась той глиной, из которой была слеплена. Сейчас на меня смотрела маска без глаз. Фарфоровый лед. Я встал – и так и застыл, не зная, куда себя деть. Она смотрела на меня, по-прежнему сидя в пол-оборота. Красивые, идеальной формы, ухоженные ногти тускло отражали свет, на мизинце ровной серебряной полоской поблескивало кольцо. Почему-то я тогда отметил про себя, что оно было на заре нашего знакомства – а значит и до меня, и оно есть на его закате – видимо, его застанет и тот, кто меня сменит.

Чтобы что-то сказать, я сказал: «Мама звонила. И... Передавала тебе привет». Она ответила чуть удивленным, чуть вопросительным «Да?» – и всё. Зачем я это сказал? – ведь неправда. Маме глубоко до лампочки моя вторая половина. Все мои вторые половины после единственной официальной жены, хвала небесам, давно уже бывшей, кажутся ей несущественными.

Кира знает, что мама скорее погуглит курс уругвайского песо, чем передаст привет тому, кого для нее и на свете-то нет. Но после этой маленькой лжи мне уже нетрудно было выйти. Я почему-то тогда до самой двери надеялся, что Кира хоть что-то скажет.

Она отпустила меня молча.

Следующим утром я полез в ее стол за ножницами. В верхнем ящике лежала фотография. На ней Кира обнималась с каким-то мужиком, совершенно не похожим на меня. Я никогда не видел Киру такой. Она была живой, она смеялась, запрокинув голову, она сияла, из нее рвалась музыка. Ревность кольнула под ребра – и пропала. Кира – не моя вещь и даже больше не моя девушка. От увиденного она не стала мне нужнее или дороже. Просто теперь я точно знал: дело в том, что мы были искусственной парой. Комфорт, идеальную бесконфликтность, удобное расположение друг у друга частей тела нельзя считать замусоленным «мы подходим друг другу».

Мы не умели и не хотели учиться диалогу.

Мы друг другу не подходили.

Они же с этим неведомым мужиком подходили друг другу на все сто.

Они так хохотали, как мы ни разу.

Ее вещи исчезли из моей квартиры бесшумно, словно стертые ластиком. Она просто ушла, пока я был на работе. Вечером ее уже не было.

В общем, я не удаляю со своей страницы в Фейсбуке фотографии с ней – пусть висят. Не хочу вопросов и домыслов. Спросят, расстались ли – скажу как есть. Пока не спрашивают – я не выступаю с пресс-релизами. И так понятно, что однажды кому-то первому придет в голову, что под ее фотографиями больше нет моих комментариев, а под моими – ее, и постепенно все всё поймут.

Мы не созваниваемся и не кидаем сообщений, нам не о чем. У нее там, похоже, новый роман, я же привыкаю к тишине и... нет, не к одиночеству, это звучит так жалобно. Просто к тому, что я – в единственном числе. К уединению. И мне пока есть, чем его занять.

Отпуск я решил не планировать, а просто улететь спонтанно в любой день и час. А пока решить пару срочных вопросов в Белокаменной. Вот тут я и совершил промах. Большой, идеально глупый просчет. Можно насладиться тишиной даже посреди пробки и даже посреди народного гулянья – при некоторой сноровке. Но остаться наедине с собой, предварительно оповестив об этом бывшую жену, нереально вовсе. Я допустил этот промах – и теперь плачу за него крупными купюрами запоздалого раскаяния.

Моя участь вовсе не прискорбна, но все же я планировал свой отпуск иначе.

Теперь я встаю с петухами – и не потому, что совершаю утреннюю пробежку. В моей постели не спят симпатичные особы, я так и не освоил Тиндер, я не совершаю ничего хоть сколь-нибудь отпускного. Я повязан. Скован по рукам и ногам. Мои оковы сосут палец и отказываются есть несладкую кашу. Мои оковы боятся кого-то злого за диваном и уверенно считают до шести. Мои оковы, возможно, самые приятные в мире и точно самые смешные.

Их зовут Марфа, Марфутка, но они предпочитают отзываться на «аморе» или «тезоро». Тезоро – это «золотко», а «аморе» – и так понятно.

Марфа, по документам Марта, а если реально, то Марфуша – это дочь моей придурочной бывшей жены Майки. Сокровище от второго блиц-брака, а сейчас она уже в третьем, в коем усердно пьет кровь из стремительно русеющего калабрийца Джованни. Мне Марфуша, таким образом, даже не падчерица, но я – лох, сдуру сболтнувший аферистке Майке, что проведу десять дней отпуска в Москве, буду читать, валяться на диване и есть ведрами куриные крылышки с карри. «Это очень кстати!» – кудахнула в трубку Майка, и всего на один вечер, когда эта мегера куда-то смоталась по своим делам, Марфуша досталась мне. На несколько часов. «Посидеть» – так это назвала мать-ехидна, исчезнув, как позже выяснилось, с концами.

Прошло уже несколько дней. Забрать ее Майка то ли забывает, то ли ленится. Это очень в ее стиле. Сказать, что она была из рук вон плохой женой, не имею права, боюсь выглядеть мелочным и злопамятным козлом, а вот то, что она плохая мать – секрет пока только для ювенальной юстиции, остальные в курсе. И это вовсе не моя заслуга, я не сплетник, просто хреновой матерью ее считают все. Поэтому я хоть и не ожидал стать нянькой-недоотчимом на много суток вперед, и бормочу проклятия в Майкин адрес, но совсем не удивлен.

Итак, аморе зовут Марфуша. И это из-за нее под простыней у меня теперь клеенка. Вот уже много ночей подряд я неизменно просыпаюсь в теплой луже и все еще верю, что это было последний раз. Надежда – это всё, чем я располагаю. Потому что спать ребенку больше негде. Диван кожаный, на нем не поспишь. Да и не спит дитя одно. Я вынужден был подвинуться. Почему она писается – для меня загадка, не знаю, писался ли я, когда уже считал до шести, но кажется, нет. Возможно, я просто поздновато начал считать.

Короче, я взял ее на один единственный вечерок – и теперь ночую в детских лужах. После безмятежных месяцев с Кирой, на протяжении которых почти все ночи были неутомительны и тихи, моя постель наконец стала арендой, где хоть одна девица делает, что ей вздумается. Причем, с завидной регулярностью и точно по часам. Как бы усердно мы ни сидели на горшке перед отходом ко сну, в 4 утра мы плывем, и ничто не меняет этого сценария. Памперсы я не покупаю, потому что боюсь сглазить: а вдруг Майка не вернется еще столько суток, сколько их в упаковке... Я встаю, тихо матерюсь, перестилаю простыню, меняю пододеяльник, переодеваю сладко спящую сиротку в очередную свою футболку и засыпаю до рассвета, когда она вскочит и поднимет меня независимо от моих желаний.

Притворяться покойником бесполезно. Она не видела других мертвецов, кроме фальшивого в моей исполнении, и понятия не имеет об их окончательной бездыханности. Боюсь, что создаю у нее превратное представление о безвременно ушедших – она уверена, что пальцы, засунутые им в нос, чмоки и таскание за ухо – это и есть пресловутое «чудо воскрешения».

Я взял Марфу всего на один вечер, «в чем была», прошел стадию трорга, когда одевал ее в свои футболки, и вот я плотно в этапе принятия – закупил ей в «Детском мире» пакет штанишек, колготок, трусишек, толстовок и две уютные пижамки. Хуже того, в «Перекрёстке» я теперь читаю состав на сосисках, смотрю сроки годности йогуртов, а в холодильнике у меня правит «Фруто-няня».

Наверно, тут надо сказать пару слов о ее матери. Мамаша тезоро Марфы выросла в либеральной до полного беззакония семье дурацкого, на мой вкус, поэта и художницы-постмодернистки. Что они представляли из себя как тесть и тёща – боюсь вспоминать. Невзирая на хиповое нестяжательство и полнейший пофигизм родительских нравов, Майка выросла скрытной, лживенькой, завистливой, ревнивой, тщеславной сукой. Единственное, что делало ее хоть сколь-нибудь прикольной, это страсть к бабам и стейкам. А так – не понимаю, что я в ней нашел. Я был юн, глуп, и это единственное, что мне есть сказать в свою защиту.

В общем, она выросла в семье, где можно было всё. Но не всё было ее целью, а только чужие бабки и возможность не напрягаться. Поэтому ее лесбийские склонности были затоптаны кованым сапогом алчности. Отдавая себе полный отчет в том, что из беспросветного божьего угара в мир дорогого шика ее выведут только природная красота и точный расчет, Майка решила бить наверняка. Искать после развода со мной богатую лесбиянку представлялось погоней за эфемерным случаем – и она пошла на таран в самую гущу зрелых иностранцев. Нанизав на копье своего обаяния десятков состоятельных европейских пенсионеров, Майка выбрала мирного и ведомого немца и вышла за него замуж. Все шло как по маслу – муж приносил стабильный доход, любовницы не переводились. Но тут немецкий пенсионер заподозрил подвох, нанял детектива... и потребовал развода. Над Майкой навис финансовый крах. Однако, беда и в этот раз пришла не одна. Майка узнала, что носит под сердцем мужнино дитя. Дитя и никакое-то было не надобно, грозя свети на нет и фигуру, и личную жизнь, а уж от мужа-немца – «рохли и козла паршивого» – вдвойне. К тому же именно теперь, когда он четко дал понять, что дальше ей придется забыть про его тугой надувной матрасик бесперебойных инвестиций и грести самой, своими загорелыми ручками.

Не бывать этому, подумала Майка, и пошла делать аборт. Но и тут ее ждал облом. Старая добрая гинекологиня, посмотрев ей куда следует и пролистав ворох анализов, заверила Майку, что эта беременность – большой сюрприз и второго такого ждать наивно. Иными словами, та почти совсем бесплодна и если хочет растить-таки собственное чадо, а не выращенное в теплице суррогатной матери, то аборт отпадает. Поплакала она, порвала на себе шоколадного цвета кудрявую гриву и пошла домой – вынашивать ненужное, оставленное на всякий случай дитя.

Теперь Майка больше не немецкая жена и тем более давно уже не моя, а чулочного магната-итальянца, и тем не менее, ее немецкое дитя сидит у меня на коленке, обхватив ладошками большую чашку с сиренево-блёсым какао, и вряд ли ощущает себя ненужным. Утро раннее – мы же уже нагулялись. Щеки Марфуши ярко алеют от морозного воздуха улицы. Нам некогда было валяться без дела и мы вышли гулять чуть свет. Это просто неразумно – спать, когда в сквере бегают тети и дяди, некоторые даже с собаками, кто-то кормит птиц, кто-то

просто энергично ходит пешком, сосредоточенно заложив руки за спину и думает, как сделать мир лучше. Это ее версия, не моя. Я уже ничего не решаю.

Утро было буднее, народ спешил на работу. Мы просто не имели права не влиться в этот человеческий водоворот. Марфа вела меня за руку – именно так, а не наоборот – ее коротенькие ножки в комбинезоне спешили куда-то туда, где кипела жизнь. Голые деревья упирались в землю широкими у основания стволами в обрамлении костлявого покрова лысых крон. Мы важно топали мимо прекрасных старинных фасадов Таганки, озираясь по сторонам, болтая и беззастенчиво тыча пальцами во всё интересное. Я открывал для себя новый мир в старом, приевшемся куске Москвы. Те же самые окна теперь таили в себе смешных жителей, под совершенно простыми островками грязного снега вдоль ограды вдруг обнаружилась весьма обаятельная и теплая кошка. Она, конечно, не далась нам пощупать, насколько она в действительности теплая – но мы единогласно решили, что это и есть самая теплая кошка Москвы. Мы назвали ее Зайка и велели быть осторожной с автомобилями. От них можно ждать чего угодно. Зайка обещала беречь себя – и грациозно удалилась, заматывая следы слишком представительным для зайца хвостом.

Оказывается, тыкать пальцем вовсе не так предосудительно – во всяком случае, к нам ни разу не подошел ни один полицейский и не только не выписал штраф, но даже и не нахмурился. Отныне я всегда и везде буду показывать только одним пальцем, сложив остальные четыре в кулак – так несравнимо точнее.

Мы пришли в сквер уже полные впечатлений – слов не хватало, дикция Марфы то и дело ставила между нами языковой барьер, но мы дискутировали без умолку. Впервые за долгие годы я сосал Чупа-чупс, что, конечно, делало мою речь неразборчивой, но, возможно, именно поэтому Марфа наконец-то понимала меня совершенно.

Так перебежками от дерева к машине, от двухметрового дяди в полосатом шарфе к маленькой пухлой болонке, что тащила на поводке свою круглую как колобок хозяйку, мы шли к скверу. Луи были подернуты тонким ледком, что оказалось весьма кстати. Мы с наслаждением проламывали его ногами, стараясь обогнать друг друга. Ножки Марфы втрое меньше моих, но она компенсировала это скоростью перебежек и, несмотря на явные проблемы с арифметикой, в счёте вела. Потом был сам сквер. Мы-таки достигли цели. Марфа уже пыталась упасть в неработающий фонтан, карабкалась на горки, съезжая смело и весело, а я искал глазами кофейный фургончик в надежде, что стакан кофе согреет ладони. На протяжении короткого пути Марфа ухитрилась потерять одну за другой обе варежки, вернувшись, мы их не нашли, и теперь она забавно осваивала мир, погруженная в мои перчатки, натянутые до локтей.

Вот такое было утро. А потом случилось это! Доводилось ли кому-то влюбляться с первого взгляда? Несомненно, миллионы людей влюбляются именно так. Но высший пилотаж – влюбиться с первого взгляда, в смертельном салто без нормальной медицинской страховки и с чужим ребенком на руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.